

Лакиер

Нам точно не известно, были ли знакомы А.Б.Лакиер и Нестор Васильевич. Разница в возрасте 15 лет могла быть некоторым препятствием к таким контактам. И, тем не менее, то, что у них были общие знакомые, сомнений не вызывает. Речь идет, прежде всего, о Плетневе, который доводился Лакиеру тестем.

Имеются достоверные данные, что в 1860-х годах А.Лакиер был членом строительной комиссии г. Таганрога, где Н.Кукольнику приходилось решать свои дела, связанные со строительством дома в центре Таганрога. Так что контакты А.Б. Лакиера с Н.Кукольником, пусть чисто деловые, вполне вероятны, а предположение об их знакомстве весьма обосновано.

Немного о Лакиерах, насколько это нам представляется возможным. Начнем с того, что Александр Борисович Лакиер возвратился в Таганрог на постоянное местожительство весной 1860 года. До этого он жил в С.Петербурге. Возвращение А.Лакиера, если можно так сказать, было событием, ибо и в то время, и сегодня Александр Борисович принадлежал к лучшим представителям русской интеллигенции. Было ему в то время 36 лет.

Сам Александр Борисович - уроженец Таганрога. Но в 11-летнем возрасте, в 1835 году, он переселился из Таганрога в Москву. Отец его, Борис Львович Лакиер (полное имя Борис Марк Мориц) был из прусских подданных. Медицинский диплом он получил в Дерпте. И тот диплом в конце концов привел его к тому, что уже в 1819 он - он городской доктор Таганрогского карантину. Подпись его присутствует в акте о смерти Александра 1 в Таганроге.

Рассказывают, что Б.Л.Лакиер поставил свою подпись на этом акте только после того, как узнал, что лечащий императора врач Тарасов отказался его подписать. Правда, в IV томе монографии Шильдера об Александре 1 подпись Тарасова под актом вскрытия вместе с подписью Б.Лакиера присутствует.

В 1824 году Б.Л.Лакиер - городской доктор Таганрога. С 1824 года – главный медицинский чиновник Таганрогского карантина.

Углубляясь в доступные мне сведения о Лакиерах, я все больше и больше удивлялся тому, какими были людьми эти Лакиеры, и насколько они заслуживают внимания таганрожцев. Но продолжим наш рассказ.

В 1819 году Б.Лакиер обвенчался с Екатериной Федоровной, дочерью председателя Коммерческого суда г.Таганрога, действительного статского советника Шауффе. 16 мая 1824 года здесь, в Таганроге, у них родился сын Александр. После 1835 года вместе с родителями переехал в Москву, где семья обосновалась в собственном доме на Басманной улице. Учиться поступил в престижный по тем временам Московский университет на юридический Факультет, который окончил в 1845 году с золотой медалью кандидатом. Это дало ему право служить в местах высшего управления. В конце 1845 года он переезжает в Петербург (и начинает службу коллежским секретарем в 3-м отделении Департамента Министерства юстиции. Руководителем его был М.М.Карниолин-Пинский, который в 1850 году «назначается присутствовать в сенате». Здесь же А.Лакиер знакомится с П.А.Плетневым, который в одном из писем приводит такой отзыв о нем: «Чудный юноша, несмотря на бедность свою уже воспитывающий бедняжку мальчика-французика».

По службе А.Лакиер продвигается быстро. В 1846 году он уже столоничальник в 4-м отделении. Еще через год - он начальник этого отделения, титулярный советник. В 1850

году получает чин коллежского асессора. Высказываются предположения, что своей быстрой карьерой А.Лакиер обязан покровительству того же М. Карниолина-Пинского, хотя

Соболева Н.А. (Институт истории СССР АН СССР) справедливо замечает, что «активная научная, общественная и литературная деятельность <Лакиера А.Б.>, начавшаяся сразу же по прибытии в Петербург, позволяет отдать приоритет личным качествам и достоинствам молодого человека, в его годы резко отличающегося от своих сверстников».

Одновременно со службой в Министерстве юстиции А.Лакиер готовится к получению степени магистра. Защита диссертации состоялась в 1843 году на юридическом факультете Московского университета. В том же году диссертация под названием «О вотчинах и поместьях» опубликована отдельной книгой.

Получив степень магистра. А.Лакиер входит в состав известнейших в отечественной науке того времени имен. В 1855 году в связи со 100-летием университета, эти имена были названы. Их семь. Начиная с 1836 года, момента, когда был принят новый устав университета, в степень магистра были возведены О.Бодянский (1838), А.Попов (1843), К.Кавелин (1843), А.Лакиер (1843), Н.Калачев (1847), Ф.Буслаев (1848) и С.Пахман (1851).

Сразу же А.Лакиер приступает к работе над докторской диссертацией. Из письма Плетнева Н.Гоголю мы узнаем, что и 1850 году он «додерживает экзамен на докторство».

В это же время А.Лакиер усиленно занимался литературно-научной деятельностью. В мае 1846 года его принимают в члены С.Петербургского Археолого-нумизматического общества. Вскоре он член правления Общества, куда входит как библиотекарь, хранитель музея да еще исполняющий обязанности казначея.

Одновременно он сближается с семьей П.Плетнева. Осенью 1850 года он был помолвлен, а 7 января 1851 года вступил в брак с дочерью П. Плетнева Ольгой.

Мать Ольги Петровны Лакиер (Плетневой) происходила из древнего рода Раевских. Она умерла в 1839 году, когда девочке было 9 лет. Друзья П.Плетнева, и прежде всего А.Пушкин, проявляли к ней исключительное внимание. До 18 лет Ольга воспитывалась в доме А.Ишимовой, автора известной книги для детей по истории, Она увлекалась историей, ботаникой, обучалась рисованию и музыке.

10 октября 1852 года у Лайнеров родился сын Петр Александрович, тезка деда. А через четыре дня Ольга умерла.

«До сих пор я ни о чем думать не могу, кроме невозвратимой потери моей, унесшей с собой все радости стольких лет,- пишет П.Плетнев князю Вяземскому. - Вам известно, что в моем быту дочь составляла весь мой мир».

В тяжелом состоянии и А.Лакиер. И только интенсивная научная работа позволяет ему как-то забыться, уйти от горя. Уже в декабре 1854 года он публикует труд «Русская Геральдика». В 1856 году ему за этот труд присуждается престижная Демидовская премия.

Напомним только отдельных лауреатов той премии, удостоенных ее в разное время: Н.Г.Устрялов. М.П.Погодин и Б.Н.Чичерин - в истории. Н.И.Пирогов в медицине. И.М.Сеченов - в физиологии, Д.И.Менделеев - в химии

В год присуждения премии он в чине надворного советника служит секретарем 1-го отделения 3-го Департамента Сената.

В 1856-59 годах А.Лакиер предпринимает длительное путешествие. Он посещает Польшу. Венгрию. Италию. Швейцарию. Германию. Данию, Францию (Париж), Испанию. Бельгию. Голландию. Англию (Лондон). Соединенные Штаты Америки (Бостон, Вашингтон, Нью-Йорк). Канаду, Кубу, Алжир, Тунис, Египет, Грецию. Турцию. Палестину. Своими впечатлениями о поездке он делится на страницах «Современника», «Отечественных записок». «Вестника Европы», «С.Петербургских новостей». В 1859 1-ю книгу отдельной книгой выходят дневниковые записи А.Лакиера о поездке в Соединенные Штаты.

В мае 1858 года из Константинополя он приплывает в Одессу. Все лето 1858 года он проводит в странствиях по Кавказу и югу России. «Посетив родной Таганрог и Киев, он в сентябре 1858 года возвращается в Петербург».

Вернувшись из-за границы, А.Лакиер вновь начал службу. На этот раз в Министерстве внутренних дел. Есть данные, что он занимается статистикой, имеет чин коллежского советника (полковник), состоит в Земском отделе, созданном для подготовительных работ по крестьянской реформе. Одновременно он преподает гражданское право в училище правоведения Министерства юстиции.

В 1859 году он женится во второй раз. Его жена - Елена Марковна Варваца, дочь самого Марка Варваца, который с таким упоением перерисовывал карикатуру на Н.В.Кукольника. П.Плетнев писал по этому поводу Вяземскому: «Лакиер ... вступает во второй брак с богатою гречанкою Варваца из таганрогского круга всех наших откупных крезов: Бенардаки, Вофей, Алфераки и проч.».

А. Лакиер покидает С.Петербург и переезжает в Таганрог. По времени этот переезд совпадает с поселением Н.Кукольника здесь, что дает основания утверждать, что они встречались и общались. И контакты эти были не только официальными. А.Лакиер селится в имении М.Варваца. В - этот период времени он выступает в Таганроге практикующим адвокатом.

«Я сам занимаюсь адвокатурой, - пишет он в одном из писем, -которая всегда была моею любимую мечтой и теперь, при новых судах, я ей совершенно предаюсь». Быт и нравы семьи Варваца изменили не только его интересы. Изменился его образ жизни. Он, как и все семейство Варваца, известное в Таганроге своей благотворительностью, стал членом- учредителем Благотворительного общества г.Таганрога.

В 1870 году А.Лакиер неожиданно умирает (28 января) в возрасте неполных 46 лет. Похоронен в Таганроге на старом кладбище. Местонахождение могилы установить не представилось возможным.

Таганрожец А. Б. Лакиер принадлежит к лучшим представителям русской интеллигенции XIX века. В истории отечественной науки он занимает надлежащее место. Как отмечают современные исследователи: «ни один из позднейших исследователей гербов и печатей, вплоть до настоящего времени, не обходится без использования материала, впервые собранного и обобщенного Лакиером. Некоторые исследователи даже не дают себе труда проверить, на чем основываются те или иные суждения автора, насколько они соответствуют реальностям исторического процесса, - столь велика вера в добросовестность автора и столь гипнотичен общий стиль работы, вобравший поистине энциклопедические познания ее создателя».

Работа А.Лакиера «Русская геральдика» - пионерская не только для своего времени. Ее еще называют феноменом историографии.

«Использование колоссального фактического материала, кладезь идей, с которыми можно соглашаться или не соглашаться, но которые даются последующему специалисту, что бы он ни задумался над ними, а может быть и даже правил...» - такова оценка современного ученого, доктора исторических наук Н.А.Соболевой.

Потомки А.Лакиера были представителями «культурных хозяев» на Юге России. Они пропагандировали рациональность ведения садово-огородного и фермерского хозяйства. В Таганроге и его окрестностях им принадлежало много недвижимости, в том числе и дом Н.Кукольника, который в 1923 году был национализирован. Вот один из отзывов, опубликованный в «Азовском вестнике» № 23 за 1871 год о подобном «культурном хозяйствовании»:

По дороге от Таганрога на Золотую Косу, имение Александра Григорьевича Фурсова, от самой межи до его противоположной межи с гг.Варваца, владелец приказал посадить довольно густо разные дикие деревья, из которых, в немного лет образовалась уже порядочная аллея на проезжей дороге, по которой непрерывно снуют взад и вперед и

поди ч скот. Почему устояли деревья частного владельца, посаженные в степи? Потому что он, посадивши их, приказал еще обгородить каждое- обошлось дело и без присмотра.

Сегодня потомки А.Лакиера живы, но мы имеем о них мало информации. Можем только сказать о двух потомках.

Уолтер Лакиер-род. 1921 - известный американский историк и политолог, председатель Международного научного совета Центра Стратегических и международных исследований (Вашингтон, США), основатель и главный редактор «Журнала современной истории» (Лондон).

У.Лакиер один из крупнейших американских специалистов по России тоталитарным движениям XX века. Его книги («Россия и Германия», 1964; «Веймар: история культуры», 1974; «Сталин: открытия эпохи гласности», 1990; и многие другие) широко издавались.

Последнее исследование «Черная сотня», вышедшее в США в 1993 году, было напечатано в России в 1994 году.

Хорхе Николас Собеника - торговый секретарь Посольства Аргентины в России (информацию об этом потомке мы получили от Главы городской администрации С.И.Шило). С частным визитом он в 1994 году посетил Таганрог. С его слов девичья фамилия его матери была Лакиер. На этом основании он считает себя потомком Лакиеров.

Целью его визита в Таганрог было знакомство с местами, связанными с именем Лакиеров. В заключение упомянем об одной небольшой детали.

В конце XIX-XX века сыновья А.Лакиера. преуспевающие «культурные хозяева», обратили или почему-то свой взгляд и к герботворчеству. В начале XX века два сына А.Лакиера подали заявления в Герольдию с просьбой утвердить за ними герб «прадеда по линии матери Комнена, выданного ему венецианским дворянством». Нам пока не удалось разыскать изображение этого герба. Но, вероятно, он существует.

Итак, кто же был наследниками Лакиера и как обстоит дело с его потомками? Вопрос не праздный, тем более, что все публикации по Лакиеру этот вопрос обходят.

В архиве Таганрогского музея-заповедника я нашел в воспоминаниях Хилковой такие сведения:

«От брака Елены Марковны Лакиер (в девичестве - Варваца) и А.Б.Лакиера родилось две дочери и два сына: Варвара, Марк, Иван. Имя еще одной дочери не помню. Но мне известно, что она была замужем за Щелгуновым Николаем, министром двора Николая II. У них родилась дочь Шура [...] Шура была выдана замуж за племянника Лакиера - Константина Комнено-Варваца. У них родилась дочь Ляля.

Шура Комнено-Варваца танцевала в группе известной балерины Гельцер. Из одной из своих гастрольных поездок она привезла ребенка, отец которого не известен. Девочку назвали Шурой. [...]. Обе правнучки с этого времени воспитывались в доме Лакиер, для них были приглашены няньки, а для младшей - кормилица. После революции девочки остались в России. Как и их мать, они танцевали.

Дочь Варвара Лакиер была замужем за кем-то из семьи Иордановых.

Сын, Марк Лакиер умер рано, но был женат и имел 5 детей. Семья иммигрировала во Францию, в Париж. 1-го сына, Николаи Лакиер, уезжая за границу, не успел вывести грудного сына, который прожил с нянькой в России до 7-летнего возраста. В этом возрасте ему, наконец, разрешили выехать во Францию к родителям. Но его отец не признал сына.

И только после смерти Николая мальчик стал единственным его наследником. Сын Иван Лакиер был женат на Екатерине Константиновне Палеолог. Имел троих дочерей: Соню, Аню, Веру[...]. В 1920 году их семья уехала, но Францию».

И вот апрель 1997 года. Обстоятельства привели меня в Москву. 17 апреля 1977 года я позвонил в Аргентинское посольство, и женский голос информировал меня, что господин Хорхе Николас Зобеника крайне заинтересован историей своей семьи, Таганрогом и даже хотел бы со мною встретиться. Сам Х.Зобеника по телефону сказал

мне, что он завтра улетает в Аргентину по делам службы, а в июне в Москву должна приехать его мама, Наталья Николаевна, урожденная Лакиер, которая очень хотела бы побывать в Таганроге, на земле предков.

Через пять часов мы встречаемся. Когда я захожу в кабинет Первого Секретаря, начальника Торгово-экономического отдела Посольства Аргентинской республики Х.Н.Зобеинка, у него длинный разговор по телефону. Разумеется на испанском. Я представляюсь. Меня просят подождать, а затем на меня буквально обрушился вал информации.

Господин Зобеинка утверждает, что он прямой потомок Лакиеров по линии матери. Мать его, Наталья Николаевна, была дочерью Николая Марковича Лакиера (род. в 1896 г.) от брака с Варварой Николаевной Хвостовой, сестрой Хвостова Алексея Николаевича. Г. Зобеинка показывает мне современный справочник, изданный в России, где имеется портрет этого Хвостова А.Н., краткие биографические данные и сведения о его расстреле. Разумеется ВЧК.

Уже позднее, пытаясь размышлять над услышанным, я попробовал что-то найти о Хвостове А.Н. Разумеется, я не стал обращаться к справочникам, а посмотрел воспоминания. Вот небольшая справка, составленная мною по воспоминаниям В.П.Коковцева («Из моего прошлого». М., 1991) и П.Н.Милюкова (Воспоминания, т.И. М., 1990). Хвостов Алексей Николаевич (1872-1918), нижегородский губернатор (1910-1912), лидер фракции в IV Государственной Думе, министр внутренних дел (1915-1916).

В 1911 году Николай II решил назначить А.Н.Хвостова министром внутренних дел в правительстве Столыпина. По некоторым сведениям Г.Распутин занимался <экзаменовкой> претендента, в итоге чего появилась такая характеристика: «шустер, но очень молод» и «пусть еще погодит». После убийства Столыпина премьер-министром стал В.Коковцев. И опять возник вопрос о назначении А.Хвостова. В.Коковцев тоже возразил, утверждая, что это «человек всем известных, самых крайних убеждений, находящихся в полном противоречии с тем строем государственной жизни, который насажден державною волею...»

Во время своей работы в Думе А.Хвостов выступал против «засилья немцев». 11 августа 1915 года он даже выступил с инициативой создания комиссии «о всех мероприятиях по борьбе с немецким засильем». Инициатива была поддержана, а Хвостов вошел в комиссию.

А.Н.Хвостова отличали, по оценке В.Коковцева, «решительность тона и живость речи». Вот пример его аргументации: «Вся наша беда в том, что мы не умеем или не желаем управлять; боимся пользоваться властью, которая находится в наших руках, а потом плачем, что другие вырвали ее у нас».

Эта борьба с «немецким засильем» была даже предметом особою расследования Чрезвычайной следственной комиссии Временною правительства, работавшей в сентябре 1917 года. Комиссия занималась самыми разнообразными вопросами политической жизни предшествующего периода, в том числе и кадровыми назначениями. Достоверно известно, что Николай II передал ей (через А.Керенского) ряд документов, хранившихся лично у нет.

И эти документы использовались при допросах.

В 1915 году не без рекомендации того же Г.Распутина (в Хвостове «почиет бог, хотя чего-то ему недостает») Николай II назначает А.Хвостова министром внутренних дел. А.Хвостов быстро закрепился у власти, и даже решил отказаться от покровительства Вырубовой-Распутина, задавшись целью «ликвидировать» Г.Распутина. В конце концов все это подучило огласку и А.Хвостов оставил свой пост.

В 1918 году А.Н.Хвостов расстрелян ВЧК в Москве вместе с Н.Г.Щегловитовым, А.Д.Протопоповым, В.А.Маклаковым и С.П.Белецким.

Но продолжим наш рассказ. На мой вопрос как просматривается связь Николая Марковича Лакиер с тем Александром Борисовичем, который вошел в русскую как ученый - геральдист, Хорхе Николас поясняет:

Отцом дедушки Х.Забеника был Марк Александрович Лакиер, сын Александра Борисовича Лакиер и Елены Марковны Комнено-Варваца. О родственных связях семьи Лакиеров с Комнено-Варваца Х.Зобеника знает и даже уточняет, что где-то в С.Петербурге живы потомки Комнено-Варваца. Когда я добавляю, что и в Таганроге тоже живы потомки, Хорхе Николас приятно удивлен. Я говорю о недавно полученном мною письме из Астрахани от местного историка А.С.Маркова. И г.Зобеника довольно подробно рассказывает мне о том вкладе, который сделал И.Варваца в строительство канала в Астрахани. Все-таки И.Варваца по линии прабабушки имеет отношение к его роду.

Вот уж действительно, мир тесен. Где та Аргентина, а где те Таганрог и Астрахань? Но, поди, ж ты, оказывается в Аргентине и этим интересуются.

Лакиеры вынуждены были эмигрировать из России в 20-е годы. Путь их лежал через Мариуполь в Константинополь, затем Белград и Париж, наконец, семья осела в Аргентине. Зобеника - это фамилия сербская, но семья чувствует свои русские корни и никогда не хотела бы терять Россию.

-Мой дед дважды пытался приехать в Таганрог, говорит Хорхе Николас. И дважды ему ответ выдавали: вроде бы Таганрог был закрытым городом. Так не увидел он землю предков. А очень мечтал.

Вот и мама очень хотела бы побывать в Таганроге.

- Мы разыскали герб семейства Комнено,- продолжает Х.Зобеника- Мы храним его в семье. Это герб Варваца.

Я уточняю, что по доступным мне публикациям потомки Лакиера просили им разрешить пользоваться гербом Комнено, но не Варваца. Но им порекомендовали оформить свой герб по установленным правилам. Изображение герба Варваца у меня есть.

- Хорошо,- соглашается Х.Зобеника.- Я сделаю Вам фотокопию нашего герба, и можно будет сравнить. Кстати,- продолжает он.- Вы знаете, что в Америке живут потомки таганрожцев Сарандинаки?

Приходится признаться, что не знаю. И не просто не знаю, а даже не располагаю сведениями о самих Сарандинаки.

- Ну, это к слову - успокаивает меня Хорхе. Он показывает мне фотографию своей семьи, говорит, что недавно у него было прибавление семейства.

- А что Вам известно о том Лакиере, что живет в США, Вашингтон,- спрашиваю я.

Выясняется, что известно много. По крайней мере, гораздо больше, чем мне. Уолтер Лакиер даже присылал письмо им, но семья Зобеника убеждена, что У.Лакиер не является прямым потомком Лакиеров. Я замечаю, что в книге «Русский фашизм» У.Лакиер прямо говорит, что его предок Б.Лакиер поставил подпись под актом о смерти Александра I.

-Да, такое утверждение есть,- соглашается Хорхе.- Но мы проследили нашу родословную по материалам, которые хранятся в Парижской библиотеке. Основатель русской ветви Лакиеров, Борис Львович Лакиер прибыл в Россию в 1819 году из Германии. Правда, город Страсбург не совсем немецкий. Были периоды, когда он был французским. О французском происхождении Лакиера говорит и его фамилия De LAQUIERE. Именно таково написание ее. В России приставка de потеряла смысл и забылась.

Звучит примерно одинаково, но все же это не одно и то же. Так мы и ответили У.Лакиеру в Вашингтон, сославшись на Парижскую библиотеку.

Мы молчим. А затем я спрашиваю, знает ли Хорхе, что его пра-пра-прадед А.Б.Лакиер, тот самый, чьи книги так берегут в его семье, состоял в первом браке с дочерью П.А.Плетнева Ольгой, которая пользовалась покровительством А.С.Пушкина.

Хорхе этого, к сожалению не знал. Я, разумеется, как могу, рассказываю эту печальную историю, как Ольга Плетнева, родив сына, сразу же умерла. Хорхе обещает мне, что он привезет из Аргентины материалы по семейной истории. Говорит также, что наша встреча будет очень интересна его маме и спрашивает:

- А кто из потомков таганрожцев, находящихся сейчас за границей, интересуется городом и поддерживает с ним контакты.

Я называю фамилии Молла, Миллер, Реми. Рассказываю о недавнем визите внучки Миллера в Таганрог, а также о визите потомков Реми к 1992 году.

- Вот только о Поляковых мы пока ничего не знаем,- говорю я и рассказываю о строительстве железных дорог Ростов через Курск-Харьков Таганрог и через (Рязань-Воронеж). Рассказываю о поисках могил, в том числе на старом кладбище.

- Я был там, видел могилы Комнено-Варваца и Алфераки. Алфераки ведь тоже в каком-то родстве с Варваца, а значит и с нами,- замечает Х.Зобеника.

Я не знаю, кто сопровождал Х.Н.Зобеника в тот приезд его в Таганрог. Но у меня создается впечатление, что именно от сопровождавших его таганрожцев он получил такую информацию. Поскольку о таком родстве мне ничего не известно, я делюсь с собеседником своими сомнениями к возвращаюсь к разговору о кладбище.

-Говорят, Л. Лакиер похоронен на старом кладбище. Не знаете, где его могила?- спрашиваю я.

Возможно, А.Лакиер был похоронен в имении на Золотой Косе. Я посмотрю в своих домашних документах.

Х.Н.Зобеника мечтательно говорит, как бы ему хотелось посетить Таганрог в дни его 300-летия. Мы еще обмениваемся некоторой информацией и прощаемся. У г.Зобеника сегодня напряженный день, надо собраться в связи с предстоящим отъездом.

Выразив обоюдную надежду на возможные встречи в будущем, мы расстаемся. Я выхожу на малое Бульварное кольцо, останавливаюсь и почему -то долго стою как бы в каком-то немом забытье. Бог там, где-то 150 лет назад - А.Лакиер, Л.Миллер, Н.Кукольник, Л.Алфераки, а вот тут, где-то совсем рядом живы люди, их потомки. И отделяет их не просто 150 лет. Их разделяет и три поколения. А сколько за это время мы забыли, потеряли и разрушили?

А впрочем, забыли ли? Чтобы ответить на этот вопрос, надо проехать в те места, поговорить с жителями, походить. Договариваюсь с ребятами, и 18 мая 1997 года мы выезжаем на Золотую Косу. Погода стоит чудесная, кругом зелень, цветет сирень. Въезжаем в Поляковку (ныне Красный десант). Первая остановка у церкви, Почему-то бьет колокол, в церкви идет служба. Народу не очень много. Это - «памятник русского провинциального зодчества - церковь Марии Магдалины,- сообщается и в путеводителе «Донское туристское кольцо» - Главный объем здания - глухой четверик, на котором покоится восьмигранный световой барабан, перекрытый плоским шатром. К основному объему примыкает трапезная с трехъярусной шатровой колокольней. Живописен декор здания, соединяющий элементы раннего Ренессанса и традиционно русских деталей, отразивших поиски нового стиля в русском зодчестве середины XIX в.»

Здание церкви потихоньку разрушается. Видимо, давно не ремонтировали. Да и не до Ренессанса сегодня, а тем более до каких-нибудь поисков. Правда, мы обошли церковь, может быть какие-нибудь. Кроме как травы «по пояс» ничего гут нет, а траву только начали скашивать.

Идем дальше, ни куда-не знаем. Ориентир держим па остатки старой мельницы и то самое здание, которое в путеводителях значится как архитектурным памятник XI X века.

Спросить не у кого. Воскресенье, да и время утреннее. И получается чак, что мы проезжаем что нам нужно. Въезжаем в какую-то деревню и встречаем молодого человека.

Он рассказывает нам, что мы попали в Беглицу на 12 участок, а к тому, что мы ищем, надо возвращаться. Дает нам ориентиры, и мы следуем по ним. Вдоль дороги туе гая посадка, потом поворот к пионерлагерю «Чайка», а дальше.., Дальше мы видим женщину, срезающую у дороги траву, пропускаем поворот и останавливаемся Она говорит по украински и четко поясняет нам, что мы практически у цели

- Только от башни мельницы ничего не осталось. 12 апреля во время сильной «низовки» морс практически смыло все остатки башни, и они сейчас почти вес под водой.

Не знаю почему, но я спрашиваю, а сохранилось ли старое кладбище, где хоронили еще до революции.

-Сохранилось, Вон там оно, в лесу...

И нам показывают мощные заросли вдалеке, куда, оказывается, можно подъехать, если свернуть к пионерлагерю «Чайка». Что мы и делаем. Впрочем, дорога приводит нас к забору, справа два недостроенных домика (как позже выяснилось, Таганрогского стройтреста), слева какие- то густые заросли, не поймешь чего. И все. Тупик. Мы выходим и начинаем искать, ибо нам сказали, что мы сразу увидим кладбище. Но пока мы ничего такого не видим.

Нас кто-то окликает. Со стороны пионерлагеря к нам направляется мужчина лет 60-ти, сторож этого лагеря. Мы рассказываем ему цель нашего приезда.

Кладбище оказывается рядом. Мы практически стоим возле него. Это те самые заросли, на которые я не обратил внимания. Оно заброшено, могилы в неопрятном состоянии, некоторые, правда, убраны. Кресты на многих повалились, и надписи встречаются очень редко. Судя по надписям, еще в 1950 году тут хоронили.

Наш новый знакомый, рассказывает, что на поминальный день сюда до сих пор приходят люди. Убранные, покрашенные могилы - это результаты таких посещений. Хоронить тут перестали по решению райисполкома, а в 1952 году начали строить этот самый пионерлагерь.

- А могилы Лакиера тут не может быть?- спрашиваю я.

- А Лакиера наши в 1943 году, когда освободили эти места, расстреляли за сотрудничество с фашистами. Расстреляли в балке, не сходя с места. Он там где-то и покойтся.

Наступает моя очередь удивляться. И я прошу что-нибудь рассказать. Наш собеседник говорит, что он живет в этих местах с 1941 года, когда он переехал сюда из Приморки. Лакиер действительно жил тут. Было ему лет 30-40. когда его расстреляли. Совсем недавно умерли жительницы села «Красный пахарь» Булатова и Каунова, которые служили у Лакиера. Как его звали, он не знает.

- Может быть, Вам не хочется слушать плохое о Лакиере?- спрашивает он нас. – Вы вот, чувствуетесь, интересуетесь Лакиерами в хорошем плане, а тут много бед от него было.

- Я говорю, что видимо бабушкой того Лакиера, о котором говорит наш собеседник, была Елена Марковна Варваца.

- Не слышал такую фамилию. Вот о Варваки что-то слышал, по ничего рассказать не могу. Ничего не знаю.

Нас подводят к памятнику расстрелянным жителям Золотой Косы. Судя по надписи на памятнике, расстрелы были в 1942 году. И были на том самом месте, где сейчас установлен памятник. Расстреливал Лакиер. Ежегодно, в день Победы, 9 мая сюда приходят жители местных деревень и возлагают цветы к памятнику. Вот и в этом году совсем недавно были такие возложения. Все чисто, убрано.

Я списываю надпись на обелиске:

«Здесь, в 1942 году немецко-фашистскими захватчиками были зверски расстреляны мирные жители с. Золотая Коса.»

Мы находимся уже на территории лагеря. Неподалеку от места расстрела нам показывают одноэтажное здание. Это сегодня склад, дошедший до нас еще с начала века. Похоже, и раньше это был склад тоже. В глубине, чуть левее склада, виднеется добротное двухэтажное здание. Это, как поясняют нам, дом Лакиеров. Сейчас он пустует.

Расположено практически на берегу моря.

И все это расположено в густой зелени. Деревьям, чувствуется, много лет. А на вопрос, совсем ли недавно насадили эти деревья, нам поясняют, что все это еще с той поры. Совсем недавно только пришлось выкорчевать старую грушу. Усохла от времени. А сами насаждения и до сих пор называются «Левада Лакиера». Нам показывают забор, ограждающий эту леваду. Раньше тут, при Лакиере, стоял забор каменный. И все это охранялось, подойти было опасно.

Возвращаемся к кладбищу и едем к «колодцу Лакиера». Он так называется и до сих пор. И до сих пор с него берут воду

- Вода в окрестностях очень плохая,- поясняют нам,- а здесь вот удачно кем-то выбрано было место. Вода питьевая. Колодец совсем недавно чистили два раза.

Мы делаем снимки на память у колодца. Почти рядом, буквально метров двести, море, а вдали - село «Красный пахарь». Как это село называлось до революции, наш собеседник не знает, но помнит, что практически от моря и до самого села были фруктовые сады. И какие сады! Буквально недавно пришлось их выкорчевывать, так как деревья усыхали. В основном груши и сливы.

Едем к оврагу. Как нам поясняют, этот овраг хорошо знают местные жители. Именно здесь, когда со стороны Мариупольского шоссе пошли наши войска, и был расстрелян Лакиер. Именно здесь.

Сегодня тут лежит мусор, да какие-то заросли кустарника.

И все же мы продолжаем поиск, прерванный нашим выездом на поиск кладбища. Прощаемся с нашим гидом, благодарим его и едем дальше. Здание, которое мы искали, находим сразу. Оно на берегу моря, и судя по всему, море постепенно подбирается к нему. Делаем снимки на память. Спросить не у кого. Поблизости никого нет. По ориентирам пытаемся найти остатки мельницы.

Остатки башни, которую иногда приводят в туристических путеводителях, находятся на самом берегу. Буквально на краю обрыва, который ведет вниз, к морю. Большая часть обломков башни лежит там на этом берегу. Вода сегодня ушла от берега далеко, и обломки хорошо видны. Там же находятся жернова и остатки электродвигателя. Видимо, мельница все же работала уже в наше время, ибо в свое время она была ветряной. Вот выписки из брошюры «Донское туристическое кольцо» (Ростов-на-Дону, 1982):

«Возле поселка Учхоза берег резко выдается в море небольшим мысом. И на мысу, на самом краю берегового обрыва, стоит каменная старинная мельница. Здание мельницы большое, круглое в плане, тщательно выполнена кладка стен из красного кирпича с выветрившимися от времени швами. Окна скорее похожи на бойницы старых крепостей. К каменному остову ветряка прислонены огромные жернова с полустершейся насечкой. Интересно, что сооружения такого рода, даже утратив большую часть своих деталей, все же сохраняют обаяние древности. И по полуразрушенному облику их нетрудно догадаться о первоначальном назначении постройки.

На одной из первых карт с разграничениями станичных юртов и обозначением войсковых границ в июне 1806 года отмечено, что «вообще по Войску Донскому состоит ветряных мельниц 331». К концу XIX в. Ветряки составляли непременную принадлежность почти каждого донского хутора или станицы.

Сейчас они - редкость чрезвычайная, Их сохранилось буквально единицы. Они берутся под государственную охрану.»

С берега видна Золотая Коса там, вдалеке, а совсем рядом, сквозь заросли деревьев (той самой «Левады Лакиера») просматриваются желтеющие стены того самого здания, к которому мы подъезжали через пионерлагерь.

Неподалеку от остатков башни расположены здания. Видимо, эти здания старых построек и относились к мельнице.

Одно из них похоже на конюшню, стоит особняком от других. А остальные в комплексе, по-видимому, были складскими помещениями. Сегодня здесь какие-то ремонтные мастерские, Там кто-то работает, несмотря на то, что сегодня воскресенье.

Возвращаемся назад, в Таганрог. И опять почему-то в Поляковке, когда мы проезжаем мимо церкви, сопровождает колокольный звон Густой звук успокаивающе стелется над землей, да где-то поодаль открывается берег моря.